

Фонд «Либеральная Миссия»

Свобода и Право

Эмиль Паин
Сергей Федюнин

Нация и демократия

Перспективы управления
культурным разнообразием

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Эмиль Абрамович Паин — политолог и этнограф, один из зачинателей этнополитологии в России. Доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В 1996—1999 гг. — советник Президента России по проблемам международных отношений. Автор и редактор 16 книг, в том числе: «Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России», «Между империей и нацией», «Распутица. Poleмические размышления о предопределенности пути России». В 2004 г. награжден золотой медалью международного фонда «Толерантность». Многолетний член жюри премии им. Макса ван дер Стула при Верховном комиссаре ОБСЕ по делам меньшинств.

Сергей Юрьевич Федюнин — выпускник НИУ «Высшая школа экономики», магистр политологии, докторант Центра европейских и евразийских исследований (Centre de recherches Europees-Eurasie, CREE) Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO), Париж, Франция.

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Комитет
гражданских
инициатив

Бизнес и Мысль

Фонд «Либеральная Миссия»

Серия
«Свобода и право»

Основана в 2012 г.

Алексей Давыдов

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ
Международные и национальные практики
Под ред. Т. Г. Морщаковой

ВЕРХОВЕНСТВО И ПРАВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИКИ
(Международная коллективная монография)
Под ред. А. Г. Федотова, Е. В. Новиковой,
А.Р. Розенцвайга, М. А. Субботина

Виктор Шейнис

ВЛАСТЬ И ЗАКОН

Политика и конституции в России в XX—XXI веках

Владимир Малахов

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

Концепции и практики

Александр Оболонский

ЭТИКА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

И РЕАЛИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Леонид Никитинский

АПОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

(в завтрашний номер: о правде и лжи)

Эмиль Паин, Сергей Федюнин

НАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Перспективы управления культурным разнообразием

Эмиль ПАИН, Сергей ФЕДЮНИН

НАЦИЯ *и* ДЕМОКРАТИЯ

Перспективы управления культурным
разнообразием

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 323.1
ББК 66.3,5
П12

Комитет гражданских инициатив

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Книга написана на основе исследования, проведенного в рамках научной работы по гранту Российского научного фонда (РНФ) № 15-18-00064

Рецензенты:

доктор философских наук *Л. Д. Гудков*,
доктор философских наук *А. А. Кара-Мурза*

Паин, Э.А.

П12 **Нация и демократия : перспективы управления культурным разнообразием /** Эмиль Паин, Сергей Федюнин. — Москва : Мысль, 2017. — 266 с.

ISBN 978-5-244-01197-5

На протяжении всего XX и в начале XXI в. происходило тестирование идеи нации. Неоднократно ставился вопрос: нужна ли нация ныне? Многие интеллектуалы провозгласили наступление «постнационального мира», а национальную организацию общества — окончательно устаревшим принципом. Не соглашаясь с этой позицией, авторы настоящей книги подчеркивают, что синтез либерализма и демократии невозможен без связующего их звена — гражданской нации. Последняя понимается как согражданство и воплощение принципа народного суверенитета, т.е. как общество, овладевшее государством для реализации общественных и в этом смысле национальных интересов.

Сегодня мы видим, что в раздробленных по этническому и племенному признаку странах Азии и Африки демократия не приживается. В России, где становление политической нации осложняется воспроизводством имперского синдрома, а национальное единство имитируется, демократические институты весьма неустойчивы и фрагментарны. В странах Евросоюза и США проявившийся на рубеже тысячелетий кризис национально-гражданской идентичности («восстание элит» и «популизм масс») тесно связан с эрозией демократических принципов, усиливающей политические позиции неопопулистов. Авторы предлагают сравнительный анализ особенностей национально-политических тенденций в России и Европе перед лицом общих вызовов, прежде всего роста культурного разнообразия и миграции.

Книга может представлять интерес как для ученых в области социальных наук и лиц, принимающих решения, так и для широкой публики.

УДК 323.1
ББК 66.3,5

ISBN 978-5-244-01197-5

© Мысль, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Гражданская нация как условие соединения идей свободы и демократии	9
--	---

ЧАСТЬ 1. ЛИБЕРАЛИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Глава 1. Нации и либеральные идеи	25
<i>Об упрощенном понимании либерализма и национализма</i>	25
<i>О сложном взгляде на нации и национализм</i>	29
<i>Нация и либеральная демократия</i>	36
<i>Гражданская нация и гражданское общество</i>	45
<i>Либерализм и национализм в России: трудности взаимопонимания</i>	49
Глава 2. Нация: критика и реабилитация одной идеи	55
<i>Интеллектуальная критика нации</i>	58
<i>Социально-политическая критика нации</i>	60
<i>Моральная критика нации</i>	64
<i>Нация между космополитизмом и коммунитаризмом</i>	67
<i>Нация как проводник в глобальный мир</i>	73
<i>Нация перед лицом вызова культурного разнообразия</i>	79
<i>Идея нации как противовес государственному патернализму</i>	82
<i>Искушение национал-популизмом</i>	88

ЧАСТЬ 2. УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Глава 3. Управление культурным разнообразием в современном мире: контуры концепции	97
<i>Смена подходов к пониманию разнообразия</i>	98
<i>О «притязаниях культуры»</i>	100

<i>Основные проблемы управления культурным разнообразием</i>	105
<i>О новых тенденциях в сфере управления культурным разнообразием</i>	110
Глава 4. Европейский миграционный кризис:	
<i>между проблемой и решением</i>	117
<i>Европа перед вызовом глобальных миграций</i>	118
<i>Иллюзия «интеграции мигрантов»</i>	123
<i>Идеологическая перезагрузка</i>	128
Глава 5. Национальная политика	
<i>в России и современность</i>	132
<i>(Нео)советская концепция</i>	134
<i>Каково место идеи гражданской нации в национальной политике?</i>	139
<i>О теоретических и концептуальных противоречиях концепции</i>	145
<i>Национальная политика и проблема исторической преемственности</i>	151

ЧАСТЬ 3. Трудный путь СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В РОССИИ: ПОДАВЛЕНИЕ НАЦИИ ИМПЕРИЕЙ

Глава 6. Эволюция идеи нации в России	
<i>и трансформации русского национализма</i>	159
<i>Инверсия идеи нации в Российской империи:</i>	
<i>от декабристов к черносотенцам</i>	159
<i>Государственный и самодеятельный национализм советского и постсоветского времени</i>	165
<i>Короткая жизнь русского «национал-демократического» течения</i>	176
Глава 7. Имперский синдром взамен	
<i>национального самосознания</i>	185
<i>Инерционные факторы, подавляющие национально-гражданское самосознание</i>	185
<i>Возвращение к имперской политике в России</i>	191
<i>Целенаправленная реконструкция имперского сознания: этапы и механизмы</i>	199
<i>Тоска по гражданской нации</i>	205

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКЛЕКТИКИ	208
<i>Россия между этническим национализмом и имитацией гражданской нации</i>	209
<i>Охранительный конструктивизм</i>	214
<i>Империя и нация: как определить различия?</i>	218
<i>Мнимая неизбывность империи и реальный кризис постимперской ситуации</i>	222
<i>Национальный раскол в странах Запада: восстание элит и предательство демократии</i>	230
<i>Популизм – обратная сторона элитизма</i>	234
<i>Единая Европа и национальная идентичность</i>	244
<i>Внимание к идентичности, отказ от иллюзий и возврат к гражданской нации</i>	254
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	259

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Эмиль Абрамович Паин — политолог и этнограф, один из зачинателей этнополитологии в России. Доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. В 1996—1999 гг. — советник Президента России по проблемам межнациональных отношений. Автор и редактор 16 книг по проблемам этнополитических процессов, в том числе «Этнополитический маятник», «Между империей и нацией», «Распутица. Poleмические размышления о предопределенности пути России».

В 2004 г. награжден золотой медалью международного фонда «Толерантность». Многолетний член жюри премии им. М. ван дер Стула при Верховном комиссаре ОБСЕ по делам меньшинств.

Сергей Юрьевич Федюнин — выпускник НИУ «Высшая школа экономики», магистр политологии, докторант Центра европейских и евразийских исследований (Centre de recherches Europes-Eurasie, CREE) Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO), Париж, Франция.

ВЕДЕНИЕ

ГРАЖДАНСКАЯ НАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ СОЕДИНЕНИЯ ИДЕЙ СВОБОДЫ И ДЕМОКРАТИИ

Нации не вечны. Они имели начало, будут иметь и конец. Вероятно, их заменит конфедерация европейских стран. Но не таков закон настоящего века. В настоящее время существование наций хорошо, даже необходимо. <...> Существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни.

Эрнест Ренан

На протяжении всего XX и в начале XXI века происходило тестирование идеи нации как «великой солидарности граждан» (Э. Ренан). Неоднократно ставился вопрос: нужна ли нация настоящему веку, является ли она и сегодня условием «повседневного плебисцита»? Эти испытания шли в условиях почти непрерывных экспериментов радикального конструктивизма.

Первым в 1917 году был запущен большевистский эксперимент, который оказался разрушительным по отношению к идее гражданской нации с двух сторон: с внутренней, противопоставляя принципу гражданской солидарности классовую, пролетарскую солидарность, и с внешней — со стороны утопии мировой революции, которая должна была привести человечество к миру без государств и без наций, чтобы, как писал В. Маяковский, «без России, без Латвии, жить единым человеческим общежитием». Несколько позже был опробован другой тоталитарный проект — «всемирного рейха» с глобальным доминированием «арийской расы». Понятно, что оба эти проекта во всем противостояли идее гражданской нации, а вместе с ней идеалам свободы и демократии. Поразительно другое: иная, либеральная утопия «конца истории» и всемирной победы либерально-демократического режима

в качестве конечной точки культурной эволюции человечества, как выяснилось, не только приводит к вытеснению идеи нации доктриной «постнационального мира», но и оказывается разрушительной по отношению к демократии.

Книга Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» (1992) была лишь вершиной айсберга и представляла собой полемически заостренное обобщение идей о победе либерально-демократического «учения», высказанных виднейшими представителями либеральной мысли (Р. Ароном, Д. Беллом, С. Липсетом и др.) во второй половине XX века. Радикальность этого манифеста оказалась опасной, а в чем-то и разрушительной для синтеза либерализма и демократии, прежде всего тем, что манифест «конца истории» проводил жесткий водораздел между старым и новым: между накопленным культурным капиталом, требующим дальнейшего освоения и весьма бережного развития, с одной стороны, и условиями новейшего времени, требующими перемен и обновления, — с другой.

Союз либерализма и демократии, как отмечали многие политические философы, — это весьма хрупкое историческое создание, сотканное из двух разных традиций: либеральной традиции Джона Локка, ориентированной на индивидуальные свободы, и демократической традиции Жан-Жака Руссо, исходящей из идеи верховенства коллективного народного суверенитета и гражданского равноправия¹. В этом союзе изначально заложено противоречие, которое может быть сглажено (так и состоялся феномен либеральной демократии), а может быть усилено, и тогда неизбежен разрыв между двумя составляющими. После Второй мировой войны исторические события стали развиваться в направлении если и не полного разрыва, то заметного осложнения взаимоотношений либерализма и демократии. На наш взгляд, можно выделить три основных

¹ См.: *Rawls J. Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 2005 [1993]. P. 4—5. См. подробнее на эту тему работы Кроуфорда Макферсона, в частности: *Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии* / Пер. с англ. А. Кырлежева. М.: ИД Высшей школы экономики, 2011 [1977].

фактора растущего напряжения между ними: во-первых, радикализм общественной мысли, не опасавшейся задеть тонкие нити исторически сложившихся взаимоотношений и поэтому грешившей революционными экспериментами; во-вторых, объективное нарастание индивидуализма, которое все чаще вступало в противоречие с коллективизмом демократических институтов и национально-гражданским самосознанием как формой коллективной идентичности; в-третьих, рост культурного разнообразия обществ. Последнее обстоятельство оказалось самым серьезным вызовом как для демократии, так и для идеи нации.

Различие ценностей, множественность представлений об «общем благе» у носителей разных культур, казалось бы, ставит под сомнение базовые положения как классической теории демократии, так и гражданской теории нации. Прежде всего речь идет о размывании целостного образа «мы» и идеи «народа» как главного политического субъекта демократии (народовластия) и одновременно источника национального (народного) суверенитета. По мнению Шанталь Муфф, первым радикальное решение проблемы столкновения роста разнообразия с идеей демократии предложил Йозеф Шумпетер, утверждавший в своей книге «Капитализм, социализм и демократия» (1947), что «с развитием массовой демократии народный суверенитет в том виде, как он понимался классической моделью демократии, перестал отвечать требованиям времени»¹. Шумпетер предложил уделять меньше внимания коллективному субъекту и сосредоточиться на процедурной стороне демократии, обеспечении достоверности и надежности выборов, де-факто превращающих демократию из коллективного действия в соревнование групповых и индивидуальных интересов. Этим было положено начало новому научно-политическому направлению, получившему название «эмпирическая политическая теория». Развивая этот сугубо инструменталистский подход, Энтони Даунс, спустя десятилетие после упомянутой книги Шумпетера, выдвинул

¹ Цит. по: *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // *Логос*. 2004. № 2 (42). С. 181.

еще более радикальную идею о том, что плюрализм интересов и ценностей важнее, чем сама идея «народа»¹. При этом предлагалось отказаться еще от одной идеи, базовой как для классической теории демократии, так и для теории гражданской нации, а именно идеи поощрения участия граждан в принятии политических решений, поскольку, по мнению Даунса и других сторонников «эмпирического» подхода к демократии, это может иметь лишь негативные последствия для работы государственной системы. Стабильность и порядок в государстве, таким образом, могут и должны обеспечиваться компромиссом между разными интересами, а не иллюзорным национальным консенсусом относительно общего блага².

В 1970–80-е годы история поставила эксперимент, позволяющий протестировать результаты полного отрыва либерализма от демократии при тотальном пренебрежении не только национальным консенсусом, но даже и малейшими проявлениями гражданского согласия. В сентябре 1973 года произошел военный переворот в Чили, в ходе которого был убит всенародно избранный президент Сальвадор Альенде, а многие его сторонники и отказавшиеся участвовать в путче офицеры были без суда расстреляны. К власти пришел генерал Аугусто Пиночет, который начал проводить либеральные реформы в экономике, опираясь на военную диктатуру в политике. Этот режим просуществовал 17 лет. Несмотря на то, что «авторитарный либерализм» до сих пор имеет некоторых приверженцев в кругах людей, называющих себя либералами (особенно среди их российской когорты), сам этот эксперимент отчетливо показал недопустимость отрыва либерализма как от демократии, так и от национального согласия. Уничтожая демократию, авторитарный экономический либерализм, как частный случай «авторитарной модернизации», не дает ни малейших гарантий и для реализации важнейшей либеральной ценности — обеспечения свободы

¹ См.: *Downs A. An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Brothers, 1957.

² См.: *Муфф III*. К агонистической модели демократии.

и прав человека. Известный писатель и либеральный интеллектуал Марио Варгас Льюса указал на то, что попытки опереться на силу, террор и ограничение прав граждан для достижения благих целей в экономике прямо противоречат либеральному мировоззрению: «Мы, либералы, не считаем, что прекращение экономического популизма или обуздание инфляции представляет собой малейший прогресс для общества, если, несмотря на либерализацию цен, сокращение государственного финансирования и приватизацию государственной собственности, государство заставляет своих граждан жить в страхе. Нельзя во имя прогресса попирать права граждан. <...> Согласно либеральной доктрине, прогресс должен происходить одновременно в экономической, политической и культурной сфере»¹.

XX век, помимо отрыва «узкого», экономического либерализма от демократии, демонстрировал и различные проявления демократии без признаков либерализма. Примером могут служить вкрапленные в современность патриархально-общинные и религиозные (типа исламских джамаатов) формы демократии, а также современные вариации архаичных родоплеменных демократий.

Уже в конце 1980-х годов в политической науке сформировалось стойкое отрицание сугубо инструменталистского подхода к демократии и утвердилось понимание того, что она, во-первых, не сводится к процедуре выборов, а во-вторых, неразрывно связана с идеями индивидуальных (либеральных) свобод, народного суверенитета и национального согласия. Для понимания важности последнего обстоятельства достаточно вспомнить, что сразу же после проведения выборов возникает важнейшая проблема признания легитимности их результата, которая требует именно национального консенсуса, поскольку какие-то группы интересов неминуемо оказываются в проигрыше. Значение такого консенсуса, предусматривающего готовность подчиниться невыгодному для тех или иных групп результату, особенно велико в тех случаях,

¹ *Варгас Льюса М.* Либерализм в новом тысячелетии // InLiberty. 2000. (URL: <http://www.inliberty.ru/library/109-liberalizm-vnbnspnovom-tysyacheletii->).

когда общество после выборов раскалывается примерно на равные части, как это случилось после президентских выборов 2016 года в США. Повседневное функционирование демократической власти также нуждается в национальном согласии, прежде всего в таком элементе единства, как общегражданское (или по крайней мере преобладающее в обществе) доверие к демократическим институтам, без которого неизбежно развивается кризис легитимности власти. Эмпирические исследования, да и практический опыт, показывают, что доверие к институтам лучше всего формируется в обществах, поощряющих такие атрибуты гражданской нации, как политическое участие граждан и гражданский контроль за деятельностью властей.

Как отмечает Ш. Муфф, к концу XX века идею соединения либерализма и демократии на основе признания народного суверенитета поддерживали как либеральные обществоведы, так и большинство левых интеллектуалов из числа постмарксистов. Эта идея нашла отражение в так называемой концепции делиберативной демократии. Характеризуя теоретиков этого направления, Муфф заявляет, что «они не стремятся отказаться от либерализма, а хотят вернуть ему моральную составляющую и установить тесную связь между либеральными ценностями и демократией. <...> Они предлагают заново сформулировать демократический принцип народного суверенитета таким образом, чтобы устранить опасность, которую он мог бы представлять для либеральных ценностей»¹. В этой формуле «вернуть либерализму моральную составляющую», предполагающей преодоление элитарности либеральных концепций в политической науке и их твердую ориентацию на приоритет народовластия, отражен пафос и нашего исследования.

В нашей книге мы хотим подчеркнуть, что *синтез либерализма и демократии невозможен без третьего, связующего их, звена — гражданской нации*, понимаемой как согражданство, которое воплощает идею народного суверенитета, то есть общества «народа, овладевшего государством» для реализации

¹ Муфф Ш. К агонистической модели демократии. С. 182.

общественных и в этом смысле национальных интересов¹. Эта идея не нова, она продолжает заметную традицию в развитии либеральной политической мысли. Тот же Фукуяма после 11 сентября 2001 года в своих публикациях с нарастающей интенсивностью подчеркивает важную роль национального государства в современном мире и национальной же гражданской культуры, необходимой «как посредник для коммуникации — как способ общения людей, живущих в неоднородных, сложных по своей природе обществах. Успешное общество немислимо без какого-либо национального строительства и национальной идентичности»². Кстати, данная мысль отражает перемены во взглядах этого известного политического мыслителя, который в своей книге 1992 года о «конце истории» называл национальные государства «временными перевалочными пунктами» на пути к мировому господству либеральной демократии. В начале нулевых годов взгляды Фукуямы претерпели системные изменения не только в вопросе о нации — они в целом стали менее радикальными. Философ последовательно уходит от жесткого индивидуализма к пониманию роли коллективности. Наконец, в своей политической деятельности он отказался от поддержки неоконсервативных сил, перейдя на сторону Демократической партии.

Мы привели пример движения справа к либерально-демократическому синтезу, предполагающего фактическое признание роли нации, но не менее показательное движение в этом же направлении со стороны левых политиков и политических теоретиков, например такого выдающегося философа современности, как Юрген Хабермас. Этот политический мыслитель последовательно левых убеждений, которые порой (в 1960-е годы) заносили его на крайне левый фланг, был одно время открытым противником либерализма. Тем не менее с 1990-х годов он безусловно поддерживает необходимость синтеза демократии и либерализма, утверждая, что

¹ См.: *Deutsch K. W.* Nationalism and Its Alternatives. New York: Alfred A. Knopf, 1969.

² Фукуяма Ф. Проблемы европейской идентичности // Gefter. 17.06.2013 (URL: <http://gefeter.ru/archive/9047>).

«народный суверенитет и права человека идут рука об руку, а следовательно, обнаруживают родственность гражданской и личной независимости»¹. Это известное и часто цитируемое его высказывание мы трактуем как косвенную поддержку идеи гражданской нации, по крайней мере ее базового элемента — народного суверенитета, хотя в своих публичных выступлениях Хабермас не раз высказывал негативное отношение к идее нации, понимая ее (весьма «по-немецки») как преимущественно этнокультурный феномен. Впрочем, такая трактовка нации ныне скорее норма, чем исключение.

В начале XXI века в западных и российских интеллектуальных кругах пока господствует критическое отношение к идее нации. И в России, и в Европе многие интеллектуалы все еще считают нации устаревшими институтами, а национализм и вовсе используется лишь в качестве бранного слова. Тем не менее причины недоверия или фактического отказа от национальной формы самоорганизации в двух случаях различны.

Россия, где политическая нация не сложилась, все в большей мере «впадает в историческое детство». Российская элита мысленно погружается то ли в эпоху классических империй и «политики канонеров», то ли в эпоху сталинской империи с ее агрессивным подавлением инакомыслия, тогда как население самоустраивается от гражданской активности и уклоняется от взаимодействия с государством («гаражная экономика», недоверие к институтам власти, непротivление коррупции). Политическая архаизация в России, как и во многих других странах постсоветского мира, особенно зримо проявляется в воскрешении феномена вождизма. В ряде стран вождь официально получает статус пожизненного лидера и «отца народа» («туркменбаши» в Туркменистане, «елбасы» в Казахстане, «бабка» в Белоруссии) либо де-факто представляет собой вождя-патриарха. Обращенность России к прошлому выражается и в том, что у российской элиты нет образа будущего, равно как и нет непротivоречивого

¹ *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: 1996. P. 127.*

национального проекта: в официальном дискурсе сосуществуют различные, порой взаимоисключающие, культурные образы нации, а ее гражданско-политическая составляющая, как мы покажем, чрезвычайно слаба и выглядит крайне неопределенно. В условиях нарастания нестабильности и стремления власти отгородиться от общества либеральные ценности, которые доминировали в конце 1980-х и на протяжении 1990-х годов, теперь подаются в России как западные и подвергаются тотальной диффамации.

В это же время Европа все чаще опьяняется «грезами постмодернистского будущего» — без наций, без границ, без социального контроля. Начиная с 1970-х годов идея нации здесь подвергается интеллектуальной, социально-политической и моральной критике, которая до последнего времени носила резкий и порой радикальный характер. Но в результате к началу нового тысячелетия в европейских странах стало очевидным наличие глубокого непонимания между космополитическими элитами и населением, опасющимся утратить собственную идентичность и привычный образ жизни. На фоне размывания образа европейских наций и роста патернализма государства в экономике растет дезинтеграция, усиливается влияние архаичных форм самоорганизации (типа исламистских общин). В ответ на это подняла голову национал-популистская реакция, получившая небывалую социальную поддержку. Эти тенденции в совокупности привели к ослаблению либеральных ценностей, оспариваемых как справа (новыми консерваторами и правыми популистами), так и слева (радикальными левыми популистами). Брексит, победа Трампа, череда кризисов, сотрясающих Евросоюз изнутри, начиная с провала проекта европейской конституции и кризиса еврозоны и заканчивая наплывом мигрантов и актуализацией угрозы терроризма... События этого ряда, взятые по отдельности или рассматриваемые как элементы более общих тенденций (подъема национал-популизма на Западе и провала проекта «постнациональной» Европы), вызывают сильные эмоции, варьирующиеся в диапазоне от негодования до злорадства, от уныния до нескрываемого энтузиазма. Данное обстоятельство делает взвешенный анализ

указанных явлений и процессов особенно важным. Отказ от скоропалительных оценок — первичное условие такого анализа. В нашей книге мы старались придерживаться именно этой методологической позиции.

Разумеется, «донациональная» Россия значительно отличается от кажущихся «постнациональными» стран Европы, которые и сами немало различаются между собой. А потому и наблюдаемые в двух контекстах процессы имеют разную степень масштабности, опасности и корректируемости. Эти различия трактуются по-разному. В российских кругах, охваченных «посткрымской эйфорией», преобладают оценки то ли в логике басни о лисице и винограде, то ли в стилистике сатирика Михаила Задорнова, потешающего имперскую публику байками про «глупый» Запад, живущий иллюзиями, и «мудрую» Россию, которая отказывается от «евроцентризма» и тем самым имеет, в отличие от декадентской Европы, шансы занять достойное место в многополярном мире¹. У нас же другая точка зрения. Тогда как в России демократия и национальное единство откровенно имитируются, в европейских странах принцип народного суверенитета, центральный для практики демократии и концепции гражданской нации, как таковой под сомнение не ставится. И все же последствия отказа от национальной формы организации в обоих случаях парадоксальным образом совпадают. И в России, и в Европе элиты отрываются от реальности, и именно это порождает иллюзии. И там и там происходит в той или иной форме атомизация общества, а его роль в политических системах своих стран ослабевает. В то же время институты демократии сталкиваются с недостатком легитимности и все чаще дают сбой. Наконец, в обоих случаях очевиден кризис либеральных, универсальных ценностей.

¹ См., напр.: *Karaganov S. Russia's Victory, New Concert of Nations* // *Frontiere*. 17.03.2017. (URL: <http://www.frontiere.eu/russias-victory-new-concert-of-nations>). Представление о «высоком стиле» этого жанра можно получить, ознакомившись с докладом: *Миллер А., Лукьянов Ф.* Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 6. (URL: <http://globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontatscii--18477>).

Все это заставляет вновь задуматься о связи либерализма, демократии и национальной организации общества в современном мире. Мы полагаем, что в науке и политике наступило время вернуться к идее нации, переосмыслить ее в свете вызовов нового столетия. Анализу этого тезиса посвящена наша книга.

Еще несколько слов о методологии. В сравнении России и Европы мы опираемся на дескриптивный подход в противоположность наиболее распространенному (особенно в кругу российских либерально ориентированных исследователей) нормативному подходу, при котором Европа и Запад в целом рассматриваются только как образец для подражания, «град на холме». По отношению к такой оптике наш подход имеет ряд преимуществ. Во-первых, он позволяет увидеть некоторые общие тенденции, в том числе и кризисного характера, которые проявляются в России, на Западе и в других частях мира, по-разному преломляясь в зависимости от исторической динамики и специфического культурного контекста. Во-вторых, данный подход встраивается в общую концепцию «множественной современности», разработанную Шмуэлем Айзенштадтом и подхваченную другими учеными. Эта концепция является базовой для исследования, результаты которого отражены в данной книге. В-третьих, именно дескриптивная и компаративная оптика позволяет нам анализировать влияние современных вызовов, преодолевающих государственные и культурные границы, на процессы в разных странах, включая Россию и европейские общества. Речь прежде всего идет об усложнении и фрагментации социумов, росте культурного разнообразия и вызове миграции. Нас, в частности, интересует поиск ответов на следующие вопросы: как эти вызовы меняют концепции государственного управления? какое влияние они оказывают на динамику гражданских связей и институты социального контроля? как они сказываются на трансформации национальной и иных форм коллективной идентичности? Наконец, в-четвертых, данный подход, наряду с отказом от идеализированного образа западных обществ, противопоставит и другому, этноцентристскому славянофильскому мифу

о России как уникальной цивилизации, развивающейся по своим особым законам.

Структура книги построена следующим образом. В первой, теоретической, части мы обращаемся к академическим и общественно-политическим дискуссиям с двойной целью: во-первых, показать необходимость сложного взгляда на идею нации и феномен национализма (глава 1), а во-вторых, разобрать основные аргументы, выдвигаемые противниками и критиками нации, чтобы затем обосновать сохраняющуюся ценность этой ключевой идеи в современном нам мире (глава 2).

Вторая часть книги посвящена изучению трансформации современных обществ в условиях нарастающего культурного разнообразия, их социального усложнения и символической фрагментации. В главе 3 мы предпринимаем попытку обрисовать контуры новой концепции, именуемой «управление культурным разнообразием». Эта теоретическая концепция, которую мы, в частности, противопоставляем традиционной в постсоветской России парадигме «национальной политики», призвана снабдить исследователей аналитическими оптиками, позволяющими «схватить» указанные социальные изменения. В четвертой главе на примере миграционного кризиса 2015–2016 годов в странах Европы мы поговорим о новых моделях управления, которые вытекают из смены парадигмы восприятия культурного разнообразия и связаны в первую очередь с поддержкой гражданской кооперации и инклюзивной национальной идентичности, с более внимательным учетом социально-экономических последствий миграции и усилением координации между различными «отраслевыми» политиками: этнической, конфессиональной, миграционной, интеграционной, культурно-образовательной. В главе 5 на основе подробного изучения текста Стратегии государственной национальной политики 2012 года мы анализируем господствующий в современной России взгляд на «национальную тему» и ее связь с феноменом культурного плюрализма. Наш тезис состоит в том, что концепция «национальной политики» исходит из устаревших воззрений, является тематически узкой и внутренне противоречивой,

и поэтому она не может считаться адекватной современным политическим реалиям и научным теориям.

Наконец, в третьей части книги речь пойдет о трудностях становления гражданской нации в России. В главе 6 мы кратко проследим эволюцию восприятия идеи нации в нашей стране за последние 200 лет, уделяя особое внимание тому, как она, изначально будучи категорией общества, использовалась авторитарным государством в собственных целях. О трудностях нового освоения идеи нации в ее гражданском смысле, связанном с демократией и либеральными свободами, мы поговорим на примере взлета и падения русского «национал-демократического» течения. В последней, седьмой, главе мы обратимся к анализу используемых российским правящим слоем механизмов воспроизводства имперского синдрома. Именно этот синдром (пока) препятствует тому, чтобы российское общество наконец овладело государством. В полемическом заключении мы вновь обратимся к этой теме, но через призму двух разных типов проблем, связанных с развитием гражданской нации в мире: ее имитации (на примере России) и национального раскола (на примере некоторых стран Запада).

Авторы выражают благодарность Российскому научному фонду за поддержку исследования, положенного в основу данной книги, и фонду «Либеральная Миссия» за ее публикацию в рамках поддерживаемой фондом серии «Свобода и Право» издательства «Мысль». Мы благодарны рецензентам работы, Льву Дмитриевичу Гудкову и Алексею Алексеевичу Кара-Мурзе, за их ценные советы и замечания, а также редакторам и другим сотрудникам издательства «Мысль». Мы также признательны слушателям общеуниверситетского факультатива в НИУ ВШЭ «Этнополитология: проблемы наций и национализма, этнических и религиозных конфликтов, управления культурным разнообразием», которые в 2015/16 и 2016/17 учебных годах стали первыми участниками обсуждения некоторых разделов этой книги.

Разумеется, за все возможные ошибки и неточности, от которых, увы, никто не застрахован, авторы берут ответственность на себя.

Часть 1

ЛИБЕРАЛИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

ГЛАВА 1. НАЦИИ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ

Об упрощенном понимании либерализма и национализма

Взаимоотношения между либерализмом и национализмом нельзя назвать гладкими и очевидными: они варьировались от эпохи к эпохе, от страны к стране¹. Это и неудивительно, ведь смысловое наполнение как либеральной, так и национальной картины мира менялось вместе со становлением современных обществ. Очевидно, что либерализм европейского Нового времени или даже шире — идея свободы, присутствовавшая уже в древних учениях и религиях, особенно в христианстве, нетождественны современному пониманию свободы. Было бы неверным интерпретировать либерализм наших дней, исходя из представлений прошлого или позапрошлого века. Например, если классический либерализм XIX века противился демократизации, видя в этом процессе опасность наступления охлократии², то современный либерализм практически немыслим без идеи равенства в правах вне зависимости от этнического и социального происхождения, пола или религиозных взглядов. Феномен либерализма сложен и в силу своей многогранности — это одновременно мировоззрение, этическая позиция, интеллектуальная традиция, экономическая концепция и политическое движение.

¹ См.: *Мухарямов Н.* В очередной раз о национализме и либерализме // *Ab Imperio*. 2000. № 3—4. С. 223—244.

² О том, как американские отцы-основатели и крупнейшие европейские мыслители XIX столетия использовали эту опасность в качестве аргумента против расширения избирательного права и «излишней» партийной конкуренции, способных, по их мнению, разрушить не только демократический элемент представительства, но и сами основы современной цивилизации, см.: *Хиршман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / Пер. с англ. Д. Узланера. М.: ИД Высшей школы экономики, 2010 [1991].

Но то же самое можно сказать и про национализм. Сегодня уже никто не сводит феномен нации к семейному родству или группе чужеземцев, что подразумевало это слово у древних римлян; не имеет смысла трактовать нацию и как социально-профессиональную корпорацию по типу средневековых цехов и университетских землячеств-«наций». Аналогичным образом было бы ошибкой попытаться примерить к нынешним реалиям — как на Западе, так и в остальном мире — трактовки этого концепта, господствовавшие в XIX и часто в XX веке, согласно которым «человечество было изначально разделено на национальные единицы, каждая из которых обладала своим происхождением, территорией, языком, национальным характером и душой, составляющими нацию как бы изнутри»¹. Как и в случае с идеей свободы и либерализмом, важно не забывать о поливалентности идеи нации и многогранности феномена национализма. Единого понимания последнего не существует именно потому, что его можно определить как идеологию, как массовое движение, как социальную программу и политическую теорию; наконец, как научную методологию и психологический феномен (коллективное сознание). И каждое из таких определений национализма по-своему верно. Несмотря на это, в науке и в интеллектуальных кругах и в России, и в Европе по-прежнему встречается черно-белая оптика его рассмотрения.

Советская эпоха с ее идеологическим господством «единственно верной» доктрины марксизма-ленинизма, очевидно, наложила сильный отпечаток на состояние социальной науки в постсоветской России, в том числе в отношении исследований этнополитических процессов, теории наций и национализма. Концептуальная путаница, отраженная, в частности, в современной концепции национальной политики, — явное подтверждение продолжающегося воспроизводства советско-марксистской терминологии в российском академическом и экспертном сообществе.

¹ *Ben-Israel H. The Nation-State: Durability Through Change // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2011. Vol. 24, N 1—2. P. 66.*

С одной стороны, «национальное» продолжает толковаться через понятие «этничности», а с другой — «нация» ассоциируется с авторитарным государством, а не с сообществом лично свободных и политически автономных граждан¹. Но и в западной науке марксизм, который никогда не выступал в роли навязываемой властью идеологии, имел очень влиятельные позиции: на Западе он традиционно ассоциировался с мощной критической теорией общества. Интеллектуалы, испытавшие сильное влияние марксизма, такие как Эрик Хобсбаум, никогда не скрывали своего резко негативного отношения к национализму². Ведь национализм противоречил не только идеалу социалистического Интернационала, взывавшему к превосходству классовых (то есть более узких групповых) интересов над интересами национальными, но и другой догме марксизма — приоритету экономики над политикой, в частности в условиях индустриального общества. Отсюда стремление западных ученых-марксистов показать, что нация есть не более чем придумка, идеологический конструкт, навязанный людям господствующими группами. Ради сохранения своих высокостатусных позиций последние старательно культивируют чувство превосходства своей нации над остальными, иными словами — пропагандируют шовинизм. Примерно такую же функцию затуманивания классового сознания, согласно марксизму, выполняет и либерализм. Только в отличие от национализма он не предлагает альтернативный проект групповой лояльности, а насаждает индивидуалистическое мировоззрение, эгоизм и идеологию консюмеризма.

Однако не только социалистическая, но и либеральная картина мира склонна представлять национализм односторонне, как негативное явление, вызванное трудностями модернизации или чувством resentimenta по отношению к другим народам. Если марксисты проклинали национализм как буржуазный провинциализм, то многие либералы

¹ К этому мы вернемся в главе 5.

² См.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998 [1990].

традиционно отвергали его за коллективизм — подавление индивидуальности посредством навязывания людям духовной и физической связи с определенным сообществом «своих». Так, Исайя Берлин, другой крупнейший мыслитель прошлого столетия, рассматривал национализм как органицистскую доктрину, взывающую к коллективным, чуть ли не стадным чувствам человека¹. Справедливо критикуя эссенциалистские — социально-биологические и историко-романтические — концепции нации, Берлин фактически отождествлял их с самим феноменом национализма. Настаивая на том, что «современный национализм действительно зародился на немецкой почве»², Берлин сводил происхождение национализма к немецкому романтизму, а его суть — к антииндивидуалистическому, а значит, и антилиберальному иррационализму (наиболее «концентрированным» выражением которого, очевидно, выступает нацизм). Таким образом, отношения между либерализмом и национализмом могут быть описаны как игра с нулевой суммой: чем больше национализма, тем меньше индивидуальной свободы и наоборот — для того чтобы расцвела свобода, необходимо подавлять национальные (националистические) чувства.

На наш взгляд, как один, так и другой взгляд обусловлен однобокими и часто карикатурными, а потому неадекватными оценками идеи нации и роли национализма в современном мире. Из этого вытекает и упрощенное понимание их взаимосвязи с либерализмом (в первом случае со знаком плюс, как близнецы-братья, а во втором — со знаком минус, как полные антиподы). Иной, более умеренный и одновременно более сложный взгляд на нации и национализм, необходимый сам по себе, позволяет по-другому взглянуть и на природу этой взаимосвязи.

¹ См.: *Берлин И.* Национализм: Вчерашнее упущение и сегодняшняя сила // Он же. *Философия свободы. Европа.* 2-е изд. / Предисл. А. Эткин-да. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 333—365. Особенно с. 345—348.

² Там же. С. 362.

О сложном взгляде на нации и национализм

Прежде всего, вопреки марксистской и, шире, радикально-конструктивистской позиции нации, будучи воображаемыми сообществами¹, не являются «искусственными» образованиями. С одной стороны, воображение, лежащее в основе всякого имперсонального социального отношения (начиная от «большой семьи» кровных родственников и профессиональных, этнических и других групп и заканчивая нацией и человечеством), является неотъемлемой частью социальной реальности. Поскольку социальные отношения всегда символически опосредованы², то и результаты воображения нации — национальные символы, образы, мифы — оказывают непосредственное влияние на поведение людей и их чувства³. С другой стороны, исторический взгляд на образование наций позволяет заключить, что они никогда не являются чистыми конструктами, но всегда опираются на реальные исторические условия и предпосылки. Как отмечает Майкл Уолцер, «нации — это воображаемые сообщества, конструируемые на основе предшествующих воображаемых сообществ». Комментируя знаменитую фразу идейного лидера движения Рисорджименто (Объединение Италии) Массимо д'Адзельо: «Мы сотворили Италию, теперь мы должны создать итальянцев», Уолцер отмечает, что «Италию было куда легче создать из неаполитанцев, римлян и миланцев, чем из ливийцев и эфиопов». Действительно, необходимым условием появления итальянской гражданской нации было существование более-менее единых представлений о прошлом у жителей Апеннинского полуострова, равно как и их культурная, этническая и языковая близость друг другу. Более того, наличие этих «связей с прошлым... позволяет объяснить,

¹ См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001 [1991].

² См.: *Гири К.* Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004 [1973].

³ См.: *Bouchard G.* Raison et déraison du mythe. Au cœur des imaginaires collectifs. Montréal: Éditions du Boréal, 2014.

почему мы склонны рассматривать ее (итальянскую нацию. — Э. П., С. Ф.) как легитимное политическое образование, тогда как попытки сделать итальянцев из ливийцев или французов из алжирцев были нелегитимными»¹.

Во-вторых, принадлежность к нации, самоидентификация с ней не являются результатом *исключительно* внешнего принуждения. Разумеется, политическая составляющая нации, особенно в процессе национального строительства, несет в себе элемент насилия. Однако это насилие, как правило, является следствием того, что идея нации в любом обществе неизбежно натывается на сопротивление сил социальной традиции, хотя формы и мера этого сопротивления на практике различаются. Так, во Франции, где идея гражданской нации была сформулирована еще в конце XVIII века, процесс национально-гражданской консолидации не был полностью завершён и к началу XX столетия. Юджин Вебер в своем историческом исследовании, ставшем классическим, показал, сколь длительным и трудным был процесс «превращения крестьян во французов»². Крестьяне Франции долгое время осознавали себя частью локальных и региональных сообществ (Бретань, Нормандия, Прованс и др.), а вовсе не членами французской нации и гражданами Республики. В 1789 году более половины населения Франции вообще не владело литературным французским языком³. Еще более культурно раздробленной была упомянутая выше Италия. К моменту ее объединения в Итальянское королевство, завершившегося лишь в 1870 году (одновременно с объединением Германии) после присоединения к нему Рима, не более 2–3% населения этой страны говорили дома на литературном итальянском языке, а остальные использовали различные

¹ *Walzer M.* Book Review of “Nations and Nationalism Since 1780” by E. J. Hobsbawm // *Social Contract Journal*. Winter 1990—1991. Vol. 1, N. 2. (URL: http://www.thesocialcontract.com/artman2/publish/tsc0102/article_12.shtml).

² *Weber E.* *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870—1914*. Stanford, California: Stanford University Press, 1976.

³ См.: *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // *Логос*. 2005. № 4 (49). С. 51.

диалекты, зачастую труднопонидаемые при общении представителей разных регионов Италии¹. Региональное, раздираемое социально-классовыми противоречиями самосознание итальянцев подавляло развитие единого гражданского сознания. Именно это имел в виду маркиз д'Адзельо.

В то же время государственные усилия по культивированию гражданско-национального сознания у населения никогда не привели бы к успеху и столь широкому (и продолжающемуся по сей день) распространению национализма в мире, если бы не существовало «самого обычного человеческого желания жить в привычном мире со знакомыми тебе людьми»². Бернад Як, опираясь на современные теории социальной психологии, опровергает тезис о национализме как проявлении иррационального коллективизма. Солидарность с национальным сообществом — это скорее проявление потребности людей в «социальной дружбе», а сама нация, как воображаемое сообщество, есть средоточие моральных отношений между индивидами³. Более того, в отличие от других видов сообществ нация представляет собой особое «межпоколенное сообщество (an intergenerational community), члены которого связаны друг с другом чувствами взаимной заботы (mutual concern) и лояльности тем, с кем они делят общее наследие культурных символов и нарративов»⁴.

В-третьих, национализм не может быть сведен ко «все-му плохому», что свойственно обществу и самой человеческой природе. Как отмечает Пьер-Андре Тагиефф, «негативизация» идеи нации и феномена национализма является следствием идеологических игр их противников с этими важнейшими понятиями: антинационалисты всех мастей создают амальгаму смыслов, в которой национализм выступает (в зависимости от ситуации и идеологических предпочтений) синонимом ксенофобии, этноцентризма, расизма,

¹ См.: *Hobsbawm Э.* Все ли языки равны?

² *Walzer M.* Book Review of “Nations and Nationalism Since 1780” by E. J. Hobsbawm.

³ См.: *Yack B.* Nationalism and the Moral Psychology of Community. Chicago: University of Chicago Press, 2012.

⁴ *Ibid.* P. 4.

империализма и в конечном счете олицетворяет собой политическое насилие¹. «Национализм — это война!» — именно этой фразой, встреченной бурными аплодисментами, закончил свое выступление перед депутатами Европарламента французский президент Франсуа Миттеран в январе 1995 года². Резко негативный образ национализма был положен в основу мифа основания Евросоюза (EU's foundational myth), воспроизводимого в дискурсе его официальных представителей и структур. Согласно этому политическому мифу, «ЕС возник на пепелище [Второй мировой] войны для того, чтобы отвергнуть национализм как принцип, лежащий в основе системы власти (governing) и отношений между государствами», поскольку именно национализм к середине XX века «довел [Европейский] континент до состояния полного разорения»³. Понятно, что подобные смысловые амальгамы в какой-то мере «нормальны» для практической политики, поскольку они являются элементом идеологической борьбы. Не стоит забывать, что национализм — это категория не только социального анализа, но и политической практики. Однако задача исследователя как раз в том и состоит, чтобы разделять их между собой.

Уже само различение между «национализмом» и другими перечисленными выше понятиями, существующее в нашем языке, подсказывает, что речь идет о разных, хотя и в чем-то пересекающихся феноменах. В действительности национализм любого вида может эксплуатироваться государством, однако по преимуществу является категорией общества, а не государства. Этот социетальный подход к оценке национализма преобладает в современных академических кругах по сравнению с более узкой парадигмой, отождествляющей национализм с этатизмом, «державностью», господством

¹ См.: *Taguieff P.-A.* La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l'assaut de l'Europe. Paris: Presses universitaires de France, 2015. P. 17, 20.

² François Mitterrand: «Le nationalisme, c'est la guerre!» // Institut national de l'audiovisuel. 17.01.1995. (URL: <http://fresques.ina.fr/mitterrand/fiche-media/Mitter00129/le-nationalisme-c-est-la-guerre.html>).

³ *Sala V. Della.* Europe's Odyssey?: Political Myth and the European Union // Nations and Nationalism. 2016. Vol. 22, N 3. P. 532.

над территориями и подчиненными народами. Для характеристики этатизма, как правило, используется другой термин — «шовинизм». В середине XIX века этот термин был заимствован из французского большинством европейских языков и трактовался в толковых словарях как «бурное патриотическое настроение воинственного характера»¹. Во всех случаях толкования речь шла о психологически форсированном подчеркивании превосходства своей страны (и следовательно, своей нации) над другими странами. Шовинизм нетождествен национализму, потому что отражает иной тип ценностей, а именно ценности этатизма, подчинения интересов личности и групп, включая этнические сообщества, государству, тогда как национализм базируется на ценностях социетальных, относящихся к обществу и идее социальной вовлеченности.

Наконец, в-четвертых, современный взгляд на национализм акцентирует внимание на его непосредственной связи с идеей народного суверенитета, то есть с основой современного политического порядка. Политическая, гражданская составляющая нации не менее, а с усложнением структуры общества *все более важна*, нежели культурный, языковой и этнический ее компоненты.

В классических теориях было принято противопоставлять «западный» и «восточный», «гражданский» и «этнический» типы национализма. За этими концептуальными различиями скрываются и более глубинные споры, в частности между примордиалистами и конструктивистами, сторонниками социального холизма и методологического индивидуализма, а позднее «либералами» и «коммунитаристами», дискуссии между которыми, первоначально разразившиеся в США в 1970-е годы, оказали известное влияние на социальную теорию и политическую философию². В современной науке радикальное разделение на «гражданский» и «этнический» национализм было (на наш взгляд, вполне справедливо)

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. (URL: <http://www.vehi.net/brokgauz>).

² См.: *Yack B. Nationalism and the Moral Psychology of Community.*

поставлено под сомнение¹. С этим соглашаются и некоторые интеллектуалы, изначально скептически настроенные в отношении культурного компонента национализма. Среди них немецкий философ Юрген Хабермас, видящий в демократическом процессе («конституционном патриотизме») фактически единственный фактор социальной интеграции индивидов, в том числе за пределами национального государства. Тем не менее в исторической ретроспективе он признает: «Только национальное сознание, кристаллизирующееся вокруг ощущения общности происхождения, языка и истории, только осознание принадлежности к “одному и тому же” народу делает подданных гражданами одного политического целого, его членами, которые могут чувствовать себя ответственными друг за друга»².

И все-таки важность обоих компонентов национального сознания — культурно-этнического и гражданско-политического — и их комплементарность отнюдь не отменяют того факта, что политическая нация, то есть сообщество граждан, совместно участвующих в жизни суверенного государства, — исторически молодое явление, ставшее реальностью только в эпоху модерна. Собственно, демократизация государства через принцип народного суверенитета позволила впервые создать политическую систему, участие в функционировании которой открыто для любого гражданина, в отличие от взгляда на нацию как преимущественно этническое сообщество, что подразумевает более закрытую систему, доступную лишь представителям определенной этнической общности³. Некоторые авторы указывали на появление этой новой концепции в Европе XVII века (совместно с развитием

¹ См. подробнее: *Брубейкер Р.* «Гражданский» и «этнический» национализм // Он же. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012 [2004]. С. 239—265; *Як Б.* Миф гражданской нации // Прогнозис. 2006. № 2 (6). С. 156—171.

² *Хабермас Ю.* Есть ли будущее у национального государства? // Он же. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю. С. Медведева под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2001 [1996]. С. 208.

³ См.: *Rosel J.* Nationalism and Ethnicity: Ethnic Nationalism and the Regulation of Ethnic Conflict // *War and Ethnicity: Global Connections and Local Violence* / D. Turton (ed.). San Marino: Boydell Press, 1997. P. 145—162.

идей конституционализма и разделения властей)¹, однако большинство исследователей относят ее появление, а значит, и рождение национализма в полном смысле слова к концу XVIII — началу XIX века и чаще всего связывают его с Великой французской революцией, с «борьбой третьего сословия против монархического правления за общенародное представительство»².

Несмотря на то что в современном значении идея нации и содержание понятия «национализм» подразумевают в качестве *обязательного* элемент индивидуализма и гражданственности, свободного выбора и принципа ответственного участия в общественных делах (*res publica*), многие современные нам критики отвергают их именно в борьбе с примордиалистскими и историцистскими трактовками нации. Однако это означает примерно то же, что отвергать идею демократии, если трактовать таковую как правление несведущей толпы. Несмотря на легитимность критики демократии с точки зрения обличения неизменно присущих ей массовости и охлократического элемента, было бы неверно сводить ее к этим феноменам. Также и нацию невозможно свести к одержимости мифом общего происхождения и стремлению отгородиться от внешнего мира. Особенно в современном мире высокой мобильности и массовых коммуникаций, где «национальное достояние (*national heritage*) больше не может рассматриваться как запечатанная сокровищница, которую следует передавать в неизменном виде [новым поколениям]»³.

¹ См.: *Seton-Watson H. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1977. P. 1—13.

² Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 4.

³ *Ben-Israel H. The Nation-State: Durability Through Change // International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2011. Vol. 24, N 1—2. P. 67. Современный мир, условно после 1989 года (падение Берлинской стены), по словам французского историка Франсуа Артога, теперь живет в новом «режиме историчности», сконцентрированном на настоящем, а не будущем, как это было в XIX и XX веках. Это сказывается и на способах публичного воображения нации, которая отныне мыслится не столько в терминах мессианства и протяженности во времени, сколько «из нынешнего момента» и в терминах культуры, наследия и коммеморации.

Субъективная привязанность к сообществу, не будучи, как мы показали выше, чем-то «ущербным» и противным человеческой природе, в конечном счете не противоречит созданию широкой, инклюзивной гражданской идентичности.

Нация и либеральная демократия

В попытке понять, почему никто из великих мыслителей XIX века не сумел предвидеть подъем национализма «немецкого типа» в веке двадцатом, И. Берлин парадоксальным образом упустил из виду то обстоятельство, что «романтическому бунтарству» предшествовал и впоследствии успешно конкурировал с ним собственно просвещенческий, республиканский национализм, рожденный в пафосе французского революционаризма. Это интеллектуальное упущение очевидным образом вписывается в общее негативное восприятие не то что даже явления, но и самого слова «национализм» в Европе того времени: после 1945 года, и особенно в первые послевоенные десятилетия, за ним непременно маячила тень нацизма. Даже столь откровенный сторонник принципа национального суверенитета (и кстати, столь же непримиримый борец с нацизмом), как генерал де Голль, будучи президентом Франции в 1960-е годы, остерегался называть себя националистом. Не отказываясь от своих убеждений, он предпочитал противопоставлять «хороший» патриотизм, то есть преданность своему отечеству, «плохому» национализму, понимаемому как неприятие других наций¹. Но, вероятно, дело еще и в том, что действительно выдающийся мыслитель, каким был Берлин, стремился вывести формулу «чистого» национализма, отделив его от других тенденций — прежде всего идейных движений — в той или иной стране. Так, чисто гипотетически Германию можно было представить в образе страны с «преобладанием»

См.: *Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expérience du temps.* Paris: Seuil, 2003.

¹ См.: *Taguieff P.-A. La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l'assaut de l'Europe.* P. 18 ff.

националистического фактора в своем развитии, Францию — страной республиканизма с демократическим уклоном, а Британию — обществом, основанном на смеси либерализма с чопорным аристократизмом. Но все дело в том, что такие формулы, будучи в некотором отношении интеллектуально привлекательными и важными с концептуальной и мировоззренческой точки зрения, в исторической перспективе совершенно искусственны и бесплодны. Даже порой противостоя друг другу, либерализм, демократия и национализм были (и, вероятно, будут в дальнейшем) тесно друг с другом связаны, притом что каждый из них а priori не противоречит остальным.

Исторически либерализм и национализм гражданского толка чаще всего выступали как естественные союзники, а не враги. Объединяет национализм и либерализм их совместный вклад в создание новой формы социальной организации, основанной на идее (или, если угодно, базовом политическом мифе) народного суверенитета, которая была последовательно разработана европейской философией XVII и XVIII веков. По словам Б. Яка, «национализм и либеральная демократия развиваются во взаимной связи по двум причинам: либеральное понимание политической легитимности способствует, хотя и непреднамеренно, подъему национализма; а лояльность национальному сообществу (*national loyalties*) позволяет либералам укрепить тот принцип легитимности, который обеспечивает достижение их политических целей»¹. Иными словами, в условиях секулярного и урбанизированного общества сочетание либеральных принципов и национальной организации в форме государства-нации «решило две проблемы: на основе нового способа легитимации сделало возможной новую, более абстрактную форму социальной интеграции»². На смену религиозной и местнической лояльности и традиционной легитимации власти пришли национальное самосознание и гражданско-правовой, или, если воспользоваться термином Макса Вебера, легально-рациональный тип политического господства.

¹ *Yack B. Nationalism and the Moral Psychology of Community. P. 7.*

² *Хабермас Ю. Есть ли будущее у национального государства? С. 206.*

Идеал либерализма заключается в построении общества, где индивидуальная свобода является высшей ценностью и где четко определены «пределы власти, которую общество вправе осуществлять над личностью»¹. Национализм, в свою очередь, постулирует в качестве высшего принципа лояльность, преданность национальному сообществу. Различие целей в теории оборачивается возможностью взаимовыгодного симбиоза на практике. Национальная «рамка» позволяет сформировать ответственное сообщество граждан, реализующих свободу путем коллективного усилия по отношению к власти как объекту своего действия. Иными словами, национализм «поставляет» либерализму институциональные, идеологические и психологические инструменты, позволяющие «обуздать» государство и сделать его орудием реализации интересов общества. Высшей целью «заботы» о нации в таком случае становится защита свободы ее членов, в том числе посредством выработки общих ценностей, законов и норм поведения, позволяющих поддерживать общественный консенсус. Нация является *условием и залогом существования демократии* потому, что без национально-гражданской идентичности режим институционализированной свободы существовать не может. К такому заключению мы придем, если обратимся к богатому историческому опыту самых разных стран мира и доказавшим свою состоятельность концепциям политической теории.

Тезис о том, что национальное единство (*national unity*) является единственным предварительным условием демократизации, был высказан и обоснован известным политологом Данквартом Растроу еще в 1970 году². Он подчеркивал, что национальное единство является «предварительным условием демократизации в том смысле, что оно должно предшествовать всем другим стадиям процесса»³. Имеется в виду процесс становления демократических институтов в государ-

¹ *Милль Дж.* О свободе [1859] / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10.

² См.: *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. Apr. 1970. Vol. 2, N 3. P. 337–363.

³ *Ibid.* P. 351.

стве и демократического сознания в обществе. Демократия, народное самоуправление, означающее в условиях сложных современных обществ учреждение режима представительного правления¹, возможно лишь после того, как сформируется его субъект — народ, нация, то есть граждане, осознающие как свою принадлежность к определенному сообществу со своей политической системой, так и свое место в этой системе в качестве суверена — источника власти. Важно подчеркнуть, что Д. Растоу использует понятие «национальное единство» весьма рационально, очищая его от мистического налета «типа плоти и крови (*Blut und Boden*) и ежедневных обетов верности им, или личной тождественности в психоаналитическом смысле, или же некой великой политической миссии всех граждан в целом»². Ссылаясь на исследования Карла Дойча, Растоу утверждает, что национальное единство есть «плод не столько разделяемых всеми установок и убеждений, сколько небезучастности (*responsiveness*) и взаимодополненности (*complementarity*)». Далее он разъясняет, что «предварительное условие [перехода к демократии] полнее всего реализуется тогда, когда национальное единство признается на бессознательном уровне, когда оно молчаливо принимается как нечто само собой разумеющееся»³.

Из сказанного вытекает вывод о том, что национальное единство есть не только необходимое условие перехода к демократии, но и в значительной мере его следствие. Какие-то навыки общественной взаимопомощи проявляются и в условиях политических режимов, предшествующих демократии, однако для того, чтобы вызрела гражданская культура, главным содержанием которой является участие граждан в общественной жизни⁴, в том числе в управлении государством, да еще и стала бессознательной привычкой,

¹ См.: Манен Б. Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е. Н. Рошина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008 [1995].

² *Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model.* P. 350.

³ *Ibid.* P. 351.

⁴ См.: *Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* Princeton: Princeton University Press, 1963.

само собой разумеющимся явлением, нужен исторически длительный опыт общественной самореализации. Другими словами, необходима институциональная среда демократии, не только позволяющая гражданам проявлять такое участие, но и стимулирующая его.

Итак, достижение национально-гражданского единства и становление демократии тесно взаимосвязаны, не будучи при этом четко лимитированными по времени. На это указывал и сам Д. Растоу, отмечавший, что процессы становления демократии в Англии были заметны уже к 1640 году, но не были завершены и в 1918 году, почти три века спустя¹, тогда как в других случаях (например, в Швеции конца XIX — начала XX века и в Турции после 1945 года) эти процессы были более «сжатыми» во времени. Но точно так же и национально-гражданское единство постоянно находится в состоянии становления. Оно не менее хрупкий конструкт, чем демократия. Еще Эрнест Ренан говорил о нации как о «духовном принципе», культурном единстве, которое достигается и проверяется в процессе «повседневного плебисцита»². Особенно выделяя веру в героическое прошлое и культ предков, с одной стороны, и согласие жить вместе, стремясь к совершению великих дел в будущем на основе этой веры, — с другой³,

¹ См.: *Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model*. P. 347.

² Ренан Э. Что такое нация? [1882] // Хронос. (URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php). Демократическая компонента, являющаяся ключевой в концепции Ренана, была, как известно, разработана ученым в контексте «проблемы Эльзаса — Лотарингии», аннексированных Германией по результатам Франко-прусской войны 1870—1871 годов. Эльзас, согласно ренановской теории нации, «не является ни французским, ни немецким по своей природе, но является французским потому, что эльзасцы хотят быть французами». Цит. по: *Tenzler N. Double nation ou nation impossible? // Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? Paris: Éditions Mille et une nuits, 1997. P. 40.*

³ Собственно, историцистское представление о *длящемся во времени* сообществе — «мы» в прошлом («наши предки»), настоящем («мы сами») и будущем («наши потомки») — лежит в основе национальной картины мира и национального нарратива истории. В этом смысле всякая нация в лице ее теоретиков, глашатаев и простых граждан должна ответить на следующие вопросы: в какой степени прошлое определяет настоящее? какое прошлое должно помнить, а какое — предать забвению? какие моменты стоит считать поворотными в истории нации? См. увлекательные